

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**
Training for agriculture during the Great Patriotic war

В. П. Мотревич, доктор исторических наук, профессор
Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

А. Ф. Никилев, доктор исторических наук, профессор
Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара
(Украина, Днепропетровск, пр. Гагарина, 72)

Рецензент: К. П. Стожко, доктор исторических наук, профессор

Аннотация

Рассматривается проблема подготовки взамен выбывших на фронт и на работу в промышленности кадров для сельского хозяйства на Урале в условиях военного времени. Исследованы масштабы выбытия в различных областях края, охарактеризованы меры по их замене. Среди них – привлечение к руководящей работе не подлежащих призыву в армию мужчин, выдвижение на руководящую работу женщин, направление членов партии из числа горожан и эвакуированных. Показаны масштабы, формы и результаты обучения этих новых кадров, в том числе их подготовка на районных, межрайонных, областных и межобластных курсах и семинарах. Много внимания уделено подготовке механизаторов в школах механизации, на курсах при МТС, исследованы источники, формы, методы и результаты формирования массовых механизаторских кадров в условиях военного времени. Подробно характеризуется возрастной и половой состав этих новых механизаторских кадров, уровень их квалификации. Произшедшие изменения означали ухудшение качественного состава механизаторских кадров. На уровень производственной квалификации влияло и сокращение срока подготовки. Окончившие курсы при МТС получали лишь элементарные навыки управления машиной. Число трактористов высокой квалификации уменьшилось. Слабая теоретическая и особенно практическая подготовка механизаторов приводила к тому, что любая поломка техники означала ее длительный простой. К концу войны в связи с проводимой переподготовкой, а также возвращением части механизаторов из армии уровень их квалификации несколько повысился. На основании расчетов уровня обеспеченности МТС механизаторами делается вывод о том, что возросшие в годы войны масштабы их подготовки не компенсировали их убыль на фронт и в промышленность. В результате за годы войны численность работников МТС сократилась на Урале на 31 %. В целом возможности обучения кадров в условиях военного времени были весьма ограниченными, в результате чего качество массовых и квалифицированных кадров в сельском хозяйстве заметно снизилось.

Ключевые слова: массовые кадры, квалифицированные кадры, механизатор, тракторист, комбайнер, директор, машинно-тракторная станция, колхоз, совхоз, агроном, зоотехник, колхозник, председатель колхоза, школьники, эвакуированные, женщины.

Summary

The article examines the problem of training of personnel for agriculture in the Urals in wartime instead of the retired to the front and industry. There is investigated the extent of disposals in various areas of the region and are described measures for their replacement. Among them is the involvement in leadership not called up into the army men, women, members of party from citizens and evacuated. There are showed the extent, patterns and learning outcomes of these new personnel, including their preparation to the regional and

¹ Статья написана по материалам Уральского региона – прим. авт.

interregional courses and seminars. Much attention is paid to the training of machine operators in mechanization schools, courses at MTS. There are investigated sources, forms, methods and results of formation of mass power of personnel in wartime conditions. Age and sex composition of these new power staff, the level of their qualification are interrogated in detail. Changes meant a deterioration of the qualitative composition of mechanization personnel. The level of production of national qualifications influenced the reduction of the duration of training. Those who have completed courses at MTS received only basic driving skills. Number of tractor drivers of high qualification has decreased. Weak theoretical and especially practical training of machine operators led to the fact that any failure of equipment meant its extended downtime. By the end of the war in connection with the ongoing training and the return of part of the mechanics from the army level of their qualification slightly increased. The estimation of a level of security MTS mechanization makes it possible to conclude that increased in the years of the war scale of training not compensated for loss at the front and in industry. As a result in the war years the number of employees of MTS declined in the Urals at 31 %. In general training opportunities in wartime were very limited, that lowered the quality of the mass and qualified personnel in the agricultural sector.

Keywords: mass personnel, qualified personnel, mechanic, tractor, combine operator, director, machine and tractor station, kolkhoz, state farm, agronomist, zootechnician, kolkhoz member, chairman of kolkhoz, schoolchild, evacuated, women.

С первых дней Великой Отечественной войны сельское хозяйство на Урале столкнулось с большими трудностями, вызванными уходом большей части трудоспособных мужчин на фронт, а также трудовой мобилизацией колхозников на работу в промышленность. Основным источником возмещения выбывших мужчин явилось привлечение на колхозные работы всех оставшихся сельчан и повышение их производственной активности. Рост выработки происходил в основном за счет женского труда. Те немногие из мужчин, кто остался в колхозах, были, как правило, заняты на руководящей работе либо трудились в МТС. Женщины-колхозницы, обремененные детьми и домашним хозяйством, работая в артелях бесплатно или почти бесплатно, несли на себе всю тяжесть крестьянского труда. Определенный вклад в решение проблемы массовых колхозных кадров внесли мобилизованные на сельхозработы горожане. Однако убыль трудоспособных крестьян из колхозов была столь значительной, что компенсировать ее удалось далеко не полностью.

На фронт уходили не только массовые, но и руководящие кадры сельского хозяйства, колхозные специалисты, механизаторы. В настоящее время кадрам сельского хозяйства СССР и его отдельных регионов в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы посвящен целый ряд публикаций. Среди них отметим работы В. Т. Анискова, Ю. В. Арутюняна, О. А. Кошкиной, А. Ф. Никилева и др. [1]. Проблема сельских кадров частично рассмотрена и в отдельных работах уральских авторов [2]. В данной статье рассматривается проблема подготовки кадров для сельского хозяйства на Урале в условиях военного времени.

Как известно, существовавшая в годы войны система бронирования почти не распространялась на сельских тружеников. Получали бронь лишь некоторые специалисты областных и районных земельных отделов, работники Наркомата заготовок, а также часть механизаторов. Весной 1942 г. в МТС Свердловской области бронь имели 55 % бригадиров тракторных бригад, 35 % комбайнеров, 13 % трактористов. Бронирование позволило все же сохранить часть руководящих кадров МТС. В результате в 1943 г. в Курганской области 37 % руководящих работников МТС (директоры, старшие агрономы и старшие механики, главные бухгалтеры) имело довоенный стаж [3].

Что же касается колхозных руководителей и специалистов, то уже летом–осенью 1941 г. значительная часть их была призвана в РККА. В колхозе им. Кирова (Полтавский район

Челябинской области), например, на протяжении военных месяцев 1941 г. сменилось 6 бригадиров и 5 заведующих товарными фермами, в колхозе им. Ворошилова – все бригадиры и 3 председателя. Всего на протяжении 1941–1942 гг. из области на фронт ушло свыше четверти всех директоров МТС и совхозов, две трети председателей сельсоветов и колхозов, подавляющее большинство механизаторов, а также агрономов, зоотехников и других сельских специалистов [4]. Колхозных руководителей и специалистов не только мобилизовывали в армию, но и направляли работать в промышленность. В 1942 г. на предприятия Свердловской области было направлено 140 зоотехников, хотя обеспеченность ими колхозов составляла лишь 44 %. Высокая текучесть кадров вела к их быстрому обновлению. В 1944 г. менее трети руководящих кадров колхозов имело довоенный стаж работы в этой должности [5].

Проблема руководящих колхозных кадров, особенно председателей, усугублялась и сложившейся в ходе коллективизации практикой руководства артелями со стороны местных партийных, советских и хозяйственных органов. В годы войны большинство хозяйств в силу объективных причин установленные ими планы заготовок не выполняли. Отвечали за это в первую очередь председатели. Только в Челябинской области были сняты как не справившиеся с руководством 443 председателя колхоза [6]. Многие из них были приговорены к различным срокам заключения, некоторые – расстреляны.

Подобный стиль руководства колхозами был характерен и для других районов страны. В этой обстановке в феврале 1942 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О неправильном отношении Кировского обкома ВКП(б) к подбору руководящих кадров в колхозах» [7]. ЦК осудил подобное отношение местных органов власти и управления к колхозным руководителям и потребовал строжайшего соблюдения партийных принципов в подборе и расстановке кадров. Однако на местах данное постановление выполнялось не всегда. Нарушения закона при рассмотрении дел председателей были столь многочисленны, что после окончания войны Пленум Верховного Суда Союза СССР в августе 1947 г. был вынужден принять постановление «О порядке рассмотрения дел о преступлениях по должности председателей колхозов». В нем указывалось на случаи неправильного привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Для уменьшения влияния местных властей на судебные органы ведение дел о преступлениях председателей колхозов передавалось областным, краевым или верховным судам автономных республик [8].

Одновременно с убылью руководящих колхозных кадров в стране принимались меры по их замене. К руководящей работе в колхозах стали широко привлекать мужчин, не подлежащих демобилизации в армию, а также женщин. Внутри хозяйств на должности бригадиров, звеньевых и др. чаще стали выдвигать рядовых колхозников. Так, в Шадринском районе Курганской области на руководящую работу были выдвинуты колхозники Н. Ф. Жилин, Е. А. Лаборежных – бригадирами, А. К. Банникова – звеньевой, А. Ф. Климова – заведующей фермой. При комплектовании кадров председателей часто привлекали членов партии из числа горожан. В 1942 г. в Челябинской области на работу в колхозы в качестве председателей было направлено 155 человек [9].

Найти достойную замену руководителям колхозов было сложно, но еще труднее было заменить ушедших специалистов. Часть специалистов сельского хозяйства направляли из городов в сельскую местность административными мерами. Так, в июле 1941 г. в Свердловской области в распоряжение земельных органов перешли все специалисты из 8 временно закрытых районных и межрайонных сельскохозяйственных школ. Их предполагалось направить на работу непосредственно в МТС и колхозы [10]. На село старались вернуть на работу по специальности агрономов, ветеринаров, зоотехников, занимавшихся ранее другой деятельностью. В сельское хозяйство направлялись и специалисты из числа эвакуированных.

В годы войны на Урале в сельском хозяйстве трудились сотни хороших специалистов, мастеров своего дела, например, в Курганской области Н. А. Антипов – старший агроном Шадринской МТС, Н. М. Любимцев – старший агроном Петуховской МТС, Т. С. Мальцев – заведующий хатой-лабораторией колхоза «Заветы Ленина» Шадринского района, И. Г. Сиротин – заведующий Макушинским опытным полем, П. А. Федоров и Р. В. Шаврин – главные агрономы Мокроусовского и Юргамышского райземотделов и др. [11].

В годовых отчетах колхозов отсутствуют сведения о численности работников со специальной подготовкой. Это не позволяет проследить динамику данного показателя. Однако и имеющиеся материалы свидетельствуют, что специалистов в сельском хозяйстве крайне не хватало. Так, в январе 1943 г. в Свердловский обком ВКП(б) с письмом обратились руководители Ачитского райкома партии. В нем сообщалось, что в районе на 220 ферм приходится 1 ветврач, 1 ветфельдшер и 3 зоотехника. В целом обеспеченность области специалистами сельского хозяйства составляла в 1943 г. лишь 42 %. Большинство из них было практиками, специалистов с высшим образованием было мало. В конце 1945 г. в МТС Оренбургской области насчитывалось 37 специалистов сельского хозяйства с высшим образованием, Пермской – 28, Свердловской – 18, Челябинской – 26. В 197 совхозах Урала их было еще меньше – 5 человек [12].

Приход в сельское хозяйство людей, часто с ним раньше не связанных, требовал их обучения. С этой целью уже зимой 1941–1942 гг. при МТС и райземотделах приступили к подготовке председателей колхозов и специалистов. Подготовку и переподготовку кадров осуществляли также на районных, межрайонных, областных и межобластных курсах и семинарах. Специальности животноводства обучали даже инвалидов войны в госпиталях. Благодаря принимаемым мерам уже в 1941 г. только в Свердловской области удалось подготовить для работы в сельском хозяйстве 2,8 тыс. человек. Одновременно в стране широко развернулось обучение сельскохозяйственным работам учащихся школ. В 1942 г. на Среднем Урале простейшие навыки работы в сельском хозяйстве получило 25 тыс. школьников, 9 тыс. научилось управлять трактором [13]. На заключительном этапе войны обучение массовым профессиям проводилось в широких масштабах. В октябре 1943 г. в Пермской, Свердловской и Челябинской областях различными формами обучения были охвачены 54,4 тыс. школьников, в октябре 1944 г. – 87,5 тыс. В пригородной зоне особое внимание уделялось изучению агротехники возделывания овощей и картофеля [14].

Несмотря на широкий размах подготовки, колхозы на Урале и в конце войны продолжали испытывать острую нехватку кадров. В 1944 г. в Ворошиловском районе Пермской области недоставало 236 животноводов, в Черновском районе – 113, в Коми-Пермяцком автономном округе – 582. Поэтому для решения проблемы рабочей силы для сельского хозяйства страны не только в начале войны, но и особенно в конце ее предпринимались чрезвычайные меры. Осенью 1944 г. к уборке урожая были привлечены все трудоспособные колхозники в возрасте от 14 лет и старше независимо от количества выработанных ими трудодней [15]. Для обеспечения рабочей силой колхозов промышленных областей (Пермской, Свердловской, Челябинской) специальными решениями ГКО и советского правительства запрещалось проводить мобилизацию колхозников для работы на предприятиях и стройках [16].

Активно проводились подготовка и переподготовка руководящих кадров колхозов, специалистов сельского хозяйства. В начальный период войны, как известно, основное внимание уделялось замене ушедших на фронт, что позволило в основном решить эту проблему в количественном отношении. Однако пришедшие к руководству часто нуждались в серьезном обучении. Осенью 1943 г. Наркомзем СССР принял решение о создании в стране специальных

курсов для подготовки председателей колхозов. Если в 1943 г. в Челябинской области курсы окончило 84 человека, то в 1944 г. – 786, в 1945 г. – 700 [17]. Это способствовало стабилизации состава колхозных председателей. В конце войны число руководителей сельхозартелей со стажем работы свыше 3 лет превзошло довоенный уровень. Больше внимания стали уделять повышению квалификации директоров МТС. При Свердловском сельскохозяйственном институте были открыты годовые курсы для обучения руководителей не только из Свердловской, но и из других областей Урала [18].

С руководителями и специалистами регулярно проводили различные совещания, куда приглашали выступать работников областных и районных управлений сельского хозяйства, ведущих специалистов, а также крупных ученых-аграрников. Это способствовало укреплению руководящих колхозных кадров к концу Великой Отечественной войны. Данный вывод косвенно подтверждает и сокращение доли женщин среди них. Возвращающиеся в деревню фронтовики постепенно стали заменять женщин.

В военное время из-за нехватки людских ресурсов особое значение приобрело использование техники, позволяющей экономить ручной труд. В годы довоенных пятилеток по мере укрепления материально-технической базы колхозов в деревне росла численность механизаторов. На Урале сельское хозяйство перед войной располагало достаточно квалифицированными механизаторскими кадрами. В 1939 г. трактористы со стажем работы не менее 3 лет составляли 51 % их численности, комбайнеры – 49 % [19]. Были, разумеется, и исключения. В 1940 г. при проверке Благовещенской МТС (Свердловская область) из 80 проходивших переаттестацию трактористов выдержали испытание лишь 32 [20]. Однако подобные случаи были единичны.

Привлечение к работе бывших механизаторов и использование эвакуированных могли лишь частично решить проблему кадров МТС. Поэтому в стране повсеместно развернулась их массовая подготовка. Она велась в школах механизации, на курсах при МТС. Получившие специальность должны были проработать в МТС не менее 2 лет. Лица, оставившие учебу без уважительной причины, привлекались к уголовной ответственности. Механизаторов готовили не только из местного, но и из эвакуированного населения. В Свердловской области, например, была организована подготовка механизаторов из эвакуированного населения Белоруссии и Латвии [21].

Одновременно с изменением источников и методов формирования массовых механизаторских кадров была перестроена и система их подготовки. Сроки обучения механизаторов были сокращены почти на половину. При этом преследовались две цели: во-первых – ускорить, а во-вторых – удешевить их подготовку. Учеба была связана с трудностями, вызванными обстановкой военного времени. Не хватало помещений, учебников, бумаги. Из-за недостатка или отсутствия электроэнергии занятия проводили только в дневное время. Особенно тяжело было тем, кто учился в районных школах механизации вдали от своих сел. Столовые, общежития в них были далеко не везде, а имеющиеся не обеспечивали минимальных потребностей учащихся. Так, курсанты Камышловской школы механизации (Свердловская область) жили в помещении бывшей церкви, по 70–100 человек в комнате. Их ежедневное меню состояло из капустных щей и чая без сахара [22]. Многие курсанты этих трудностей не выдерживали и сбегали домой. Однако основная масса занималась по 8–10 часов в день, часто без выходных, стремясь лучше овладеть техникой. В результате уже в первые 1,5–2 месяца войны вместо ушедших на фронт в стране было подготовлено свыше 260 тыс. механизаторов [23].

Массовая подготовка механизаторских кадров осуществлялась и на Урале. Наибольшее число механизаторов было подготовлено в 1942 г. – именно в тот год потребность в них была

наивысшей. В последующие годы масштабы подготовки стали сокращаться. Всего за войну на Урале на курсах при МТС было обучено 162,3 тыс. механизаторов [24]. На таких курсах в стране в годы войны была подготовлена основная часть механизаторов.

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны в стране возросли масштабы подготовки механизаторов. Однако их все равно не хватало. В Свердловской области за 1941–1945 гг. в армию было призвано 11 тыс. механизаторов, а подготовлено – 26,3 тыс. Если за уровень обеспеченности МТС трактористами принять отношение их численности к наличному тракторному парку, а индекс 1940 г. условно принять за 100 %, то обеспеченность МТС Свердловской области составляла: в 1941 г. – 58 %, в 1942 г. – 84 %, в 1943 г. – 86 %, в 1944 г. – 92 %, в 1945 г. – 97 %. Массовая подготовка механизаторов не компенсировала их убыль на фронт и в промышленность. За годы войны численность работников МТС сократилась на Урале на 31 % [25].

Имевшихся механизаторов не хватало для двухсменной работы, поэтому в июле 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение о направлении в МТС в ответственные периоды работ по ремонту техники и уборке урожая квалифицированных рабочих с промышленных предприятий (но не в ущерб выполнению военных заказов). Местным органам рекомендовалось привлекать к уборке урожая рабочих, умевших управлять комбайном [26]. В связи с большой нехваткой механизаторов на Урале подобные меры предпринимались и раньше. В частности, так дело обстояло в Свердловской и Челябинской областях [27].

Существенно изменился состав механизаторских кадров. Если в 1930-е гг. механизаторов готовили в основном из мужчин, то в войну на учебу стали набирать женщин и подростков. В 1942 г. в Свердловской области 60 % обучавшихся механизаторов составляли женщины, в Челябинской области их удельный вес был еще выше. Доля женщин среди механизаторов заметно возросла. Если в 1939 г. их удельный вес среди трактористов составлял в Свердловской области 5,6 %, то в 1943 г. – 44,6 %, в Челябинской – 3,6 и 30 % соответственно. Колхозники артели «Свободный труд» (Челябинская область) в одном из писем писали своему земляку П. А. Костоусову: «Ты ушел на фронт, а тебя заменила твоя жена Ксения. Она у нас лучшая ударница: на пахоте ежедневно выполняет полторы нормы» [28].

Из 2 млн механизаторов, подготовленных в СССР за годы войны, свыше 1,5 млн составляли женщины. В результате их удельный вес среди трактористов увеличился с 4 % в 1940 г. до 45 % в 1942 г., среди комбайнеров – с 6 до 43 % [29]. Работать механизаторами женщинам было очень тяжело. Трактористка Половинской МТС (Курганская область) Е. И. Родионова всю первую зиму в сорокаградусные морозы на гусеничном тракторе С-65 возила на элеватор пшеницу. От холода коченели руки и ноги, а каждый рейс продолжался по 2-3 суток [30]. Т. Л. Максимова – трактористка зерносовхоза «Буранный» (Челябинская область) – вспоминала: «Во время уборки зерновых я водила комбайн, а после пахала зябь. Прицепщиками были девчонки и мальчишки, и сама я была несовершеннолетней. Зимой возила волоком сено на фермы. Было очень холодно. Встала на ремонт – в мастерской тоже холод. Но ни с чем не считались, знали: идет война и нужно много работать, чтобы обеспечить победу на фронте». Тяжелы и воспоминания колхозницы сельхозартели им. Чкалова (Шадринской район Курганской области) А. Колтышевой: «Трактора в те годы старенькие были, и запчастей к ним почти не поступало. Начинаем заводить его, а он закапризничает, не заводится. Брели веревки, накладывали их петлей на рукоятку и крутили до крови в ладонях. Так и работали» [31].

Изменился возрастной состав механизаторов. На смену ушедшим на фронт мужчинам пришли не только женщины, но и подростки. 16-17-летние юноши и девушки составляли большую часть механизаторов. В 1945 г. в МТС Курганской области их насчитывалось до

74 % [32]. Механизаторы сельского хозяйства тех лет – это преимущественно подростки и женщины-колхозницы.

Произошедшие изменения означали ухудшение качественного состава механизаторских кадров. На уровень производственной квалификации влияло и сокращение срока подготовки. Окончившие курсы при МТС получали лишь элементарные навыки управления машиной. Число трактористов высокой квалификации уменьшилось. В 1940 г. в МТС Свердловской области трактористов первой категории насчитывалось 968 человек (14,9 % от их общего числа), а в 1942 г. – 357 (6,2 %) [33]. Слабая теоретическая и особенно практическая подготовка механизаторов приводила к тому, что любая поломка техники означала ее длительный простой. К концу войны в связи с проводимой переподготовкой, а также возвращением части механизаторов из армии уровень их квалификации несколько повысился.

Таким образом, сохранившиеся материалы свидетельствуют, что проблема механизаторских кадров решалась, во-первых, за счет возвращения в МТС бывших механизаторов, во-вторых, за счет подготовки их на курсах при МТС, в школах механизации и путем индивидуального ученичества и, в-третьих, за счет привлечения рабочих с промышленных предприятий. Благодаря этим мерам удалось в основном решить проблему механизаторских кадров в количественном отношении.

Еще сложнее обстояло дело с заменой руководящих и особенно квалифицированных кадров. Большинство из них в начале войны было призвано в армию. Отрицательно сказывались на кадрах чрезмерное администрирование, необоснованные репрессии со стороны местных органов. Возможности же обучения кадров в условиях военного времени были весьма ограниченными.

Библиографические ссылки

1. *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. Барнаул, 1966. 369 с.; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной, войны. 2-е изд., доп. М., 1970. 466 с.; *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР (1941–1950). М., 1969. 243 с.; *Кошкина О. А.* Сельское хозяйство и колхозное крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Йошкар-Ола, 2010. 247 с.; *Никилев А. Ф.* Виробнича інтелігенція українського села: Творення соціальної верстви. Середина 1940-х – середина 1960-х рр. Д. : Вид-во ДНУ, 2004. 208 с.; *Он же.* Інженерна служба села: стан і проблеми формування кадрового потенціалу у повоєнний період (середина 40-х – перша половина 50-х рр.) // Український селянин. 2002. № 5. С. 109–113; *Он же.* К проблеме роли города в формировании производственно-профессиональной структуры села: тридцатитысячники в организационно-хозяйственном укреплении колхозов Украины // Актуальные проблемы юридической и исторической науки. Международный профессорский сборник научных статей. Екатеринбург, 2012. С. 238–243; и др.

2. *Мотревич В. П.* Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. Свердловск, 1990. С. 106–117; *Он же.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны // В. И. Ленин и опыт социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1990. С. 91–92; *Он же.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала в 1941–1960 гг. Свердловск, 1991. 72 с.; *Он же.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 250–277; *Он же.* Сельское хозяйство на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2012. № 3 (95). С. 33–36; *Он же.* Сельскохозяйственные рабочие на Урале

в 1940–1950-е гг. // Аграрный вестник Урала. 2013. № 1 (107). С. 45–47; *Он же*. Машинно-тракторные станции на Урале в годы Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2013. № 4 (110). С. 36–43; *Он же*. Массовые колхозные кадры в Уральском регионе накануне Великой Отечественной войны // Аграрный вестник Урала. 2013. № 12 (117). С. 51–53; *Хисамутдинова Р. Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. 300 с.; и др.

3. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. 1591. Оп. 2. Д. 32. Л. 3; Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 5099. Л. 447.

4. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945. Челябинск, 1981. С. 41, 156; ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 828. Л. 4.

5. *Арутюнян Ю. В.* Указ соч. С. 401–404; Архив Челябинскстата. Оп. 9. Св. 79. Д. 700. Л. 33; Оп. 18. Св. 133. Д. 1011. Л. 4, 42, 53; Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 1003. Оп. 3. Д. 991. Л. 22; Д. 1018. Л. 19; Д. 1042. Л. 36; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 874. Л. 14; Д. 284. Л. 9; Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 4031. Л. 2; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 989. Л. 12; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 822. Л. 202–203.

6. Партийная организация Челябинской области С. 193.

7. Партийное строительство. 1942. № 4. С. 43–44.

8. Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М., 1948. С. 327.

9. *Шляпников Н., Севастьянов Л., Мотовилов И.* Восхождение. История ордена «Знак Почета» колхоза им. XXII съезда КПСС Курганской области. Челябинск, 1973. С. 52; Партийная организация Челябинской области С. 193.

10. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 812. Л. 100.

11. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 28 мая.

12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 18. Д. 915. Л. 50–54. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 38. Д. 83. Л. 31; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1100. Л. 4.

13. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 988. Л. 183, 423; Д. 1088. Л. 184; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 2. Д. 1675. Л. 2.

14. *Корнилов Г. Е., Мотревич В. П.* Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Свердловск, 1985. С. 41.

15. Колхозное производство. 1944. № 8–9. С. 8. ГАПК. Ф. 564. Оп. 2. Д. 235. Л. 169.

16. Материалы по выполнению постановления ГКО «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Свердловск, 1944. С. 29; О создании продовольственной базы промышленных центров области: Постановление СНК СССР от 5 августа 1944 г. Молотов, 1944. С. 12; Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941–1945. Челябинск, 1945. С. 24.

17. *Корнилов Г. Е., Мотревич В. П.* Указ. соч. С. 40.

18. ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 7. Д. 785. Л. 1.

19. *Ушаков М. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление военно-экономического потенциала страны (1938 – июнь 1941 г.). На материалах партийных организаций Урала. Харьков, 1968. С. 225.

20. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 794. Л. 64.

21. Сборник указов, постановлений и распоряжений С. 55; ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 988. Л. 23; Д. 1018. Л. 13; Приказ Свердловского областного земельного отдела № 457 от 31 декабря 1942 г. и № 17 от 19 августа 1943 г.

22. ГАСО. Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1369. Л. 13; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 189. Л. 11.
23. Крестьянка. 1941. № 13–14. С. 7.
24. ГАКО. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 34. Л. 4; Д. 56. Л. 37; Д. 95. Л. 10; ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 940. Л. 28; Ф. 1081. Оп. 3. Д. 279. Л. 9; Д. 281. Л. 19; Д. 232. Л. 14; Д. 284. Л. 9; ГАПК. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 4031. Л. 2; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 886. Л. 237; Д. 889. Л. 48; Д. 893. Л. 76; Д. 898. Л. 90; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1327. Л. 95; ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 4. Д. 1257. Л. 8; Д. 259. Л. 26, 33; Д. 271. Л. 62; Д. 275. Л. 12.
25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3733. Л. 64–71. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 874. Л. 16; Д. 886. Л. 238; Д. 889. Л. 45; Ф. 1824. Оп. 1. Д. 1500. Л. 138.
26. Правда. 1943. 18 июля.
27. ГАСО. Ф. 88. Оп. Д. 1757. Л. 403–404; Д. 5105. Л. 339; ОГАЧО. Ф. 1379. Оп. 3. Д. 24. Л. 69.
28. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6903. Оп. 19. Д. 69. Л. 30; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 889. Л. 45; ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 889. Л. 35; Ф. 1379. Оп. 4. Д. 259. Л. 35; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5093. Л. 448; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 144. Л. 11.
29. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 92–93; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1970. С. 256.
30. Передовые механизаторы в сельском хозяйстве. М., 1957. С. 50.
31. Великий подвиг труда. Челябинск, 1970. С. 312–313; Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968. С. 359.
32. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 1200. Оп. 1. Д. 175. Л. 7.
33. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 794. Л. 29; Д. 889. Л. 45.